

АВГУСТ ПАТРИАРХА

Михаил Быков: *Смена - с. 718 - 1996 -
24 авг. - с. 4.*

“Стареющих плейбоев тянет на лирику”

РАССКАЗЫВАЮТ страшное. Однажды вечером диктор “Пятого канала”, расположившись за столом на фоне Исаакиевского собора, ознакомил зрителей с программой на завтра. Когда он уже дошел до “Большого фестиваля”, купол Исаакия позади него накрыло существо, явно приползшее со страниц Кафки: мерзкое, плоское, с усами и лапками.

Переведите дух. Приползший гигант не таил мистической угрозы. Громада Исаакия, которую снимали отдельно от диктора, была с детский кубик. И потому телевизионный таракан, вылезший на этом кубике в прямой эфир, обладал естественными размерами.

Сверхъестественно другое. Диктор, прекрасно видевший на мониторе, какая мерзость творится за его спиной, не повел и бровью. Хладнокровно дочитал программу, сообщил о погоде, вежливо попрощался - и лишь тогда вырубил микрофон.

Наверняка подобная выдержка выручает дикторов и сегодня, когда сводки новостей оживляют мальчишки и девочки из Информ-ТВ, а чтение программ все чаще выносятся в закадровый текст. В расчете на профессиональное дикторское хладнокровие мы рискнули не обходить эту болезную тему. И обратились к ведущему программ “Пятого канала” Михаилу Быкову с докторской интимной прямоотой: “Михаил Александрович, что чувствуете?”

- Чувствую себя стареющим плейбоем. Здоровым, во всех смыслах потенциальным - и немного лириком. В развитие лирической темы скажу еще краше. Таким настроением я обязан своему давнему девизу: обижаться - значит мстить себе за ошибки других. Может, поэтому у меня со всеми хорошие отношения, хотя и врагов хватает, как у любого нормального человека.

По-моему, жизнь интересна хотя бы тем, что в ней трудно отличить везение от невезения. С одной стороны, мне повезло на педагога - закончил студию ТЮЗа у Корогодского, которого любил и почитал, учился у него достаточно прилежно. Но с другой стороны, не нашел мой порыв отклика в сердце у Зиновия Яковлевича, и я отправился играть в Рязань. А потом в один из наездов в Ленинград судьба затащила на телевидение, на конкурс дикторов. Прошел три тура, с четвертого по непонятным причинам срезался. Вдруг - опять везение! Тогдашний старший диктор Сергей Тулупников говорит: да не расстраивайтесь, Миша, попробуем показать вас на радио, Ростиславу Александровичу Широких. Показали - и тот: “Вопросов нет. Начинайте работать”. А через две недели позвали и на телевидение. Так с пятиминутками новостей я был заброшен в прямой эфир, где бултыхался как хотел. И со временем достаточно четко овладел профессией.

- И пока.

- Ну нет, я всегда ощущал себя мужиком, о чем разговор! Всегда любил в меру выпить, приударить за девушками, что отношу к своим достоинствам. Правда, и поговорить любил. Бывало, пригласишь домой барышню - и забудешь зачем, пустившись в треп, игру на гитаре и чтение стихов. Спыхавшись, а уже утро. До свидания, вперед, и на душе светло.

Я был молодым парнем, естественно, меня занимали те же проблемы, что и моих свер-

стников, сокурсников. Так же тянуло на все неlegalное. Только страдал я поболее других, нарываясь на бесчисленные запреты.

- Что же это были за страдания?

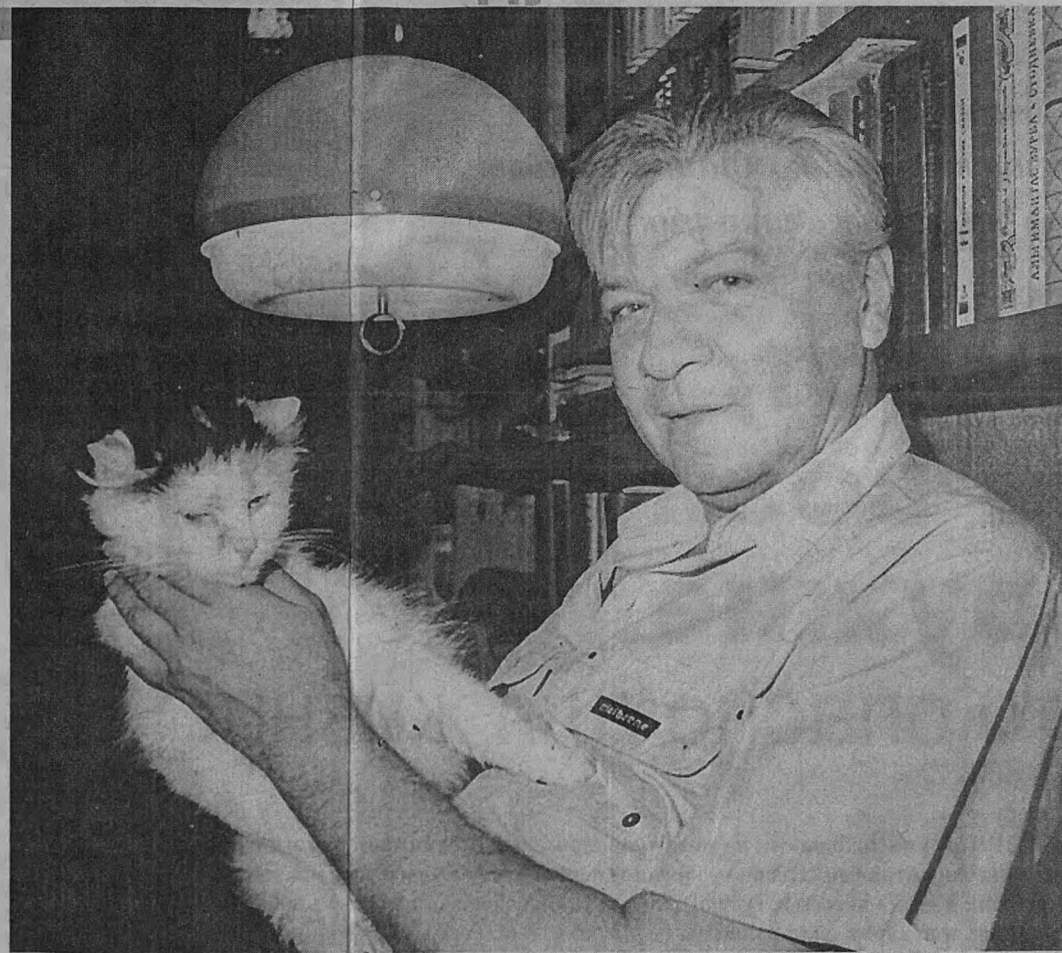
- Ну, например, я не мог пойти в церковь. Один раз мы с Валентиной Владимировной Дроздовской писали какой-то журнал на студии документальных фильмов на Крюковом канале и в перерыв заглянули в Никольский собор. На другой день об этом кто-то стукнул руководству (возможно, сами же церковники). Не помню, были ли разбор полетов у Валентины, но меня разнесли в клочья. При чем разнос я принял без истерики, он не выходил за рамки правил всеобщей игры.

Сегодня многие говорят: ах, я был стойкий, замечательный, терпеть не мог коммунистов. Все вранье. Большинство играло в эти игры машинально, на автопилоте выполняя предписанные правила. Как шофер переключает коробку скоростей, как диктор приступает к работе в студии: рука невольно тянется к микрофону, ты его включаешь вовремя, глаз фиксирует, что зажглось табло. Пора! “Доброе утро, товарищи, в эфире - 1-я программа Ленинградского радио”.

Конечно, в наши дни свобод прибавилось. От слова “жопа”, сказанного с экрана, не вздрогнет и младенец. Матом вовсю ругаются. Но Ленинградское телевидение, которое всегда стремилось быть на высоте, покатило вниз.

Обнадеживает, что сейчас, после полного разброда, пришли новые люди - вроде знающие, профессиональные. Они пытаются вывести нас на другой уровень общения со зрителем, более демократичный, красочный. Естественно, любое начинание не обходится без ломки. Коснулась она и нашей дикторской группы, где, кстати, ни одного человека не сократили. Москва поступила намного жестче: там было шестьдесят дикторов, и практически все они остались не у дел. Зацепились немногие, кто умел еще что-то помимо дикторства.

Но самое смешное - наш ненормальный народ соскучился по дикторам, о чем говорят письма, приходящие на студии. Оказывается, официальных людей, декларирующих сводку пого-

ды как важное правительственное сообщение, ждали, узнавали. Они несли в дом тепло, к ним относились не менее трогательно, чем сейчас к героям “Санта-Барбары”. Хотя слово “диктор” уже страшное, его заменили на “ведущий программы”.

- Что непривычного появилось в работе обновленного телевидения, кроме уже упомянутой вами привычки к матерным выражениям?

- Любому ведущему программы, любому журналисту дело обложено на сто процентов. Существует компьютер, на котором ты набираешь материал, и перед тобой постоянно находится телетекст. Как бы мы ни крутились, от официальной информации никуда не деться. А все невозможно выучить назубок. Когда Миткова начала выходить в эфир, про нее говорили: во молодец, как шпарит, до чего здорово знает материал! Да, знает, да, прекрасно подготовлена, но текстик перед собой все равно смотрит. Может сделать его побольше, поменьше - как удобнее. И листочки рядом лежат, на случай, если откажет телеподстрочник. Правда, она с этими листочками еще и великопечно играет: перебирает в задумчивости, откладывает в сторону.

А у нас, бедолаг, никаких телеподстрочников не было, мы все читали с листа. Подчас с телетайпного, где ни точек, ни прописных букв - сплошные ЗПТ, РПТ. Иногда прямо в студию приползал человек с неразрезанным рулоном, и ты принимался проникновенно по нему читать. Было очень страшно, но после такой школы с любым текстом, даже написанным от руки, справляешься без запинки.

- Правда, что раньше в Телерадиокомитет не допускались женщины в брюках?

- Да, Александр Петрович Филиппов на дух не переносил таких женщин. Ну и что же, мне тоже больше нравятся дамы в юбках.

А вот еще деталь из проклятого прошлого. Перед эфиром полагалось скинуть с себя все драгоценности, вплоть до обручальных колец. На мой взгляд, шаг вполне разумный. Народ ведь у нас небогатый, а потому наблюдательный. С ходу заметит: “Смотри, у Зинки новые бриллианты”. Со своим перстнем-талисманом я впервые вышел работать в 91-м году, а до 91-го очень строго следили за этим делом. Стоило мне появиться в эфире в кожаном пиджаке, сразу устыдили: зачем? Как зачет! Ведь по тем временам кожаный пиджак - это был такой немислимый шик!

- По тем временам, наверно, считалось шиком и участие в торжественных концертах, которых вы провели во множестве. Что-нибудь запомнилось характерное в атмосфере тех торжеств?

- Очередной партийный отец города, выбравшись из ложи президиума и проходя мимо нас, обязательно с каждым здоровался за руку. Райке - Ранисе Васильевне Бангузенко - персонально лобызал ручку. Это была все та же игра: не робейте, ребята, мы с вами ровня. И я, отлично понимая - игра, идет игра! - выходя на сцену Октябрьского зала, где сидело правительство, вдруг проникался торжественностью момента. Какой-нибудь кретинский День молодого рабочего проводил с необыкновенным воодушевлением.

Мы ведь за эти концерты даже боролись. Без подлости, конечно, но: я лучше, старик, поэтому меня взяли. Завтра ты будешь лучше - тебя возьмут.

- То есть ведение концертов было вещественным свидетельством успеха в работе?

- Конечно! Мне и в этом пла-

Мужчине
случается
забыть, зачем он
пригласил домой
женщину.
Однако не всегда
это говорит
о провалах
памяти

не на телевидении, на радио безумно везло. Вернее, не везло - давало уверенность: могу. У меня достаточно хороший голос, я умею себя подать, расположить к себе. Я свободен в рамках любой игры.

- Не было паники, когда наступило время новых игр?

- Без бабской паники с желанием броситься под трамвай обошлось. Было другое: ну что, Миша, все кончилось, пора перекалфицироваться в управдомом? А потом сам, как обычно, стал делать себе манки: во-первых, у меня есть семья, дом. Во-вторых, наша общая беда - мы не замечаем, как идет время, требуя перехода в новое качество. Невозможно всю жизнь работать только диктором, ведущим программы. Значит, надо искать что-то другое, устраивающее и тебя, и зрителя, и высокое руководство. А я, худобно, с 87-го года сделал как режиссер огромное количество программ - в основном учебных фильмов. Подобралась прекрасная команда - Жора Штиль, Андрияха Ургант, даже Нина Николаевна Ургант согласилась поиграть. Что греха таить, на этом

мы зарабатываем деньги, но и организуем себя - тоже. Да полно проектов впереди. только надо постоянно помнить, что под лежащий камень вода не течет.

Масса моих сверстников-курсников так себя и не реализовала. Ну, стали средними актерами. Им сейчас больше. А меня даже в Хельсинки, где смотрят наши программы, знают не хуже, чем здесь.

- Вас греет подобное обстоятельство?

- А зачем ханжиться? Великий не великий, но для многих я... фигура. Едешь в метро, троллейбусе - узнают. Первых два-три года это было очень приятно. Теперь в транспорте я в основном занят собой. Иногда, поймав чей-нибудь напряженный взгляд, привычно отмечаю: ага, человек соображает - где же я его видел? То ли в кино, то ли в опорном пункте милиции... Лишь когда хорошенькая девушка подходит и спрашивает: “Вы не диктор?” - приосаниваясь, начинаю интересничать: “Я его брат”. И долго треплюсь о достоинствах брата, пока она не поймет, в чем дело.

Но был случай, который меня в этом смысле сильно охладил. Рядом с моим домом стоял ларек, куда я регулярно бегал за пивом. И околачивался там мужик, который торговал ворованными молотками. (Красивые, кстати, молотки, сделанные на каком-то экспериментальном заводе. Помню, я пару молотков у него купил.) Однажды стоим с ребятами, пропускаем по кружечке, а мужик пристал: “Слушай, где-то я тебя видел”. - “Ну как же, - говорю, - в одном доме живем”. - “Нет, нет, где-то в другом месте”.

Второй день прихожу, опять по кружечке, опять мужик с молотками: “Парень, я тебя вычислил!” Ладно, думаю, на третий раз раскроюсь ему, чтоб не мучился. Но на третий раз он сам ко мне бросился. Глаза сияют, на роже ликование: “Теперь я все про тебя знаю!” - “Ну и чего?” - “Ты у Ванштейна на трубе играл!”

- Раз речь зашла о досуге у пивного ларька, признайтесь: в ресторане “Дружба” - легендарной “Дружбе”, где, по преданию, телевизионщики гуляли после трактов и съемок, у вас по-прежнему своя ступка?

- Там столиков-то - раз-два и обчелся. Бывает, заходим после работы. По рюмке выпьем - льяля-тополя - и разбежались, помню о том, что завтра рано вставать.

- Под “ля-ля-тополя” подразумеваются беседы о чем?

- О работе. Как всегда, на работе - о бабах, в “Дружбе” - о работе. Правда, в последнее время мы и на студии все больше скатываемся к разговорам о работе.

- И потому 91-й год вам памятен только рабочим моментом - перетнем, который вы не сняли, выходя в эфир.

- Перед самым ГКЧП я гостил у двоюродной сестры в Германии, в тихом городке под Берлином. Как-то утром смотрим телевизор. Муж сестры Диттер - бывший военный вдруг говорит: Мишка, что-то не то. На

экране - четверка мордоворотов, потом “Лебединое озеро” пошло. Звоню домой - не дозвониться. Немцы сообщают, что в Польшу уже вошли наши танки. “Анна Каренина” сдалась, попросив политическое убежище, - в стране переворот. “Свобода” что-то вякает, и тоже невнятно. Все мои знакомые, которых там полно - немцы, евреи, - наперебой советуют: Коль обещал каждому, кто попросит политическое убежище, по 30 тысяч марок на нос. Раз в такое время живем, оставайся. Я ору: “Идиоты, у меня в Ленинграде жена, дочка, родители! Если останусь - с ними что будет?” Рвусь домой как ненормальный, но поезда не ходят, самолеты не летают, ни хрена нет. Тогда говорю сестре: надо мне свой долг выполнять. Найди камеру, поедом к нашему посольству.

Приезжаем, а там толпы русских. Я такого скопления соотечественников больше не видел нигде. Паспортные, беспаспортные, друг у друга спрашивают, что да как. Напротив нашего посольства - американское. У американцев все спокойно. Стоят два бронебика-бэтээричка красного цвета, надолбы с цветочками - и тишина. Никаких вопросов, никаких ответов, забаррикадировались. Наши - тоже. Только вывешен портрет Горбачева, почему-то в траурной рамке. Ну, думаю, как в “Швейке” - “кокнуй Фердинанда-то нашего”. Как же теперь без президента? А информации - ноль. Немцы раздают бесплатные газеты, предположения в них - самые фантастические.

Поснимал я эти толпы и стал прорываться к посольству. Надо ведь передать пленку на родину! Чудом преодолел оцепление немецкой полиции, потом наших ребят уговорил, и меня впустили внутрь.

Выходит мужичонка - маленький, лысоватый, лет сорока пяти. Исполненный гражданской скорби, со скромным достоинством представляясь мужичонкой: “Я диктор Ленинградского телевидения...” - “Вы приехали по работе?” - “Да нет, по вызову”. - “Ах, по вызову!...” И понес на меня: чего вы здесь все ходите! Вздернутый такой, пятнами покрылся - наезжает, как танк, чуть ли не матюги уже пошл. Минут пять-шесть мы с ним препирались, пока я сдуру не спросил: “Можно с вами хоть интервью записать?” - “Вы еще и с камерой!!!” Позвал какого-то Федю, разнес его за то, что пускает черт знает кого, не отобрав камеры, и меня поперли, сопроводив напутствием: как вы приехали сюда, так и уезжайте. Из чего я понял - никому мы здесь не нужны и чихать они хотели на это дело.

А пленку я сохранил - все-таки память. Как и перстень, который нацепил двадцать шесть лет назад, когда впервые включил микрофон.

Я же предупреждал: стареющих плейбоев тянет на лирику.

Беседовала
Елена ЕВГРАФОВА